

Александр Торин

ХВОСТ

Copyright © 2003 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

1.

Субботним утром бывший инженер-химик, а ныне рядовой сотрудник фирмы «Аквариумы России», Олег Иванович Хвостов наконец вылез из-под одеяла. Он не торопясь прочел в туалете газету, отчего настроение у него заметно ухудшилось, потом побрился, побрызгал щеки французским одеколоном, накинул махровый халат, подаренный супругой на пятнадцатилетие свадьбы, и прошел на кухню.

Все было как всегда.

Ксения, поджав губы, пекла оладушки. Ее волосы, ночная рубашка, халатик и даже тапочки пропахли подгоревшим растительным маслом. Ниночка и Галенька, дочери Олега Ивановича, четырнадцати и двенадцати лет, лопали за обе щеки.

– С добрым вас утречком, – Олег Иванович потянулся.

– По радио только что передавали, на улице Народного Ополчения, помнишь, где мы с тобой квартиру снимали, построили коттеджи. С солярием, между прочим. – Ксения недовольно погрузила сковородку под кран. – Когда мы уже непригорающую посуду купим, Олег? Ленка с Витей купили, и наслаждаются.

– Сдался нам этот солярий! Поехали-ка лучше на дачу. Картошечку пора сажать, вечером костерок разведем.

– У нас в городе дела, папа. – хором ответили девочки.

– Эх, да какие у вас могут быть дела, – Олег Иванович выглянул из кухонного окна и увидел привычный пейзаж, будто ничего и не изменилось со времен его детства. Внизу находилась конечная остановка троллейбуса, рядом с ней двухэтажная районная поликлиника, напротив – сданный в аренду магазин, и асфальтовая дорожка, уходившая куда-то к окружной дороге промеж двух крепостных стен – четырнадцатиэтажных кооперативных домов.

Дыхание у Олега Ивановича сперло, и вдруг пришло новое чувство. Назвать его приятным можно было лишь с большой натяжкой, ибо ощутил Хвостов надрывный зуд в области, которую прилично и назвать-то сложно. Где-то снизу спины, около копчика.

– Ты чего там? – Ксения выбросила последние оладушки на тарелку. – Поставь чайник, а то воды не хватит.

– Сейчас, – Хвостов судорожно чесался.

– Глиста укусила? Мыться лучше надо.

– Ксюш, при детях все-таки, – Олегу Ивановичу вдруг захотелось дать супруге пощечину, от желания этого ему стало гадко, но, закрыв глаза, он представил себе, как физическим путем вправляет супруге мозги, и успокоился. У японцев, кажется – вспомнил Хвостов, принят такой метод. Поставят в подвале резиновые чучела начальников, и дубасят. Елки-палки... – Олег Иванович представил себе, как бьет ногой в пах Генке Фролову, директору «Аквариума России», и вздрогнул от ужаса, смешанного со сладким восторгом.

– погоди секунду, Ксюша, – что-то нехорошее происходило с Олегом Ивановичем. Зуд достиг невыносимой силы, будто в позвонках его жужжали двести двадцать вольт, потом что-то влажное ударило в спину, вырвалось из трусов и начало приятно щекотать ноги.

Хвостов бросился в спальню.

2.

Женщины обожают рассматривать себя со всех возможных ракурсов. Скажем, мужчина, если он не голубой, конечно, вылезет из душа, посмотрит на себя голышом в анфас, усмехнется, в крайнем случае расстроится, да и пойдет спать. А вот женщина начнет придумывать да фантазировать – как она смотрится сзади, сбоку, в профиль, сверху, снизу. Вот и Ксения лет восемь назад купила шикарное трюмо с боковыми зеркалами заднего обзора.

– Черт, – как эти бабы умудряются себя увидеть. – Хвостов развернул боковые зеркала. – Что это? Е, твою мать!

Поверить в это было невозможно. У Олега Ивановича вырос хвост. Сам он с брезгливым отвращением прикоснулся к волосатому наросту, вылезшему наружу над копчиком. Нарост напоминал заячий хвост, неожиданно для самого себя Хвостов вильнул наростом вправо, затем влево.

Олег Иванович застегнул штаны, пошел на кухню, открыл холодильник и налил себе стакан водки.

– Ты что, совсем охренел, убожество! Сам с собой, с утра! – завелась Ксения, перебивавшая грязные тарелки, но остановившийся взгляд Хвостова был настолько страшен, что и она замолчала.

– Ксюшенька, – руки у Олега дрожали. – Ты меня прости, если что не так.

– Да что случилось! Не томи душу, Олег, куда же мы без тебя? Две девки без царя в голове, ни кола, ни двора, не то, что у других, с банками, с валютой, да коттеджами у Садового Кольца. – Ксения начала плакать. – За что, за что мне такое наказание!

– Ксюша, ты знаешь, – слезы навернулись у Хвостова, и он обнял супругу, пропахшую растительным маслом, где-то в уголке сознания отметив, что за последние лет пять Ксения заметно раздалась. – Я иногда вот думаю, когда Нинки еще не было, помнишь, мы в поход на байдарках ходили? Ты мне тогда клялась, что всегда любить будешь.

– Это ты к чему, – насторожилась Ксения.

– Хвост у меня растет, Ксюша.

– Чего?

– Хвост... Фамилия у меня подходящая. Хвостов. Только не сердись.

– Пошел ты куда подальше. – Духовная близость испарилась, будто ее и не было минуту назад. – Как выходные, так одно и то же – дружки-приятели, водочка. А теперь сам с собой с утречка начал. Иди, проспись, идиот.

– Не веришь? Не веришь. Все у нас плохо, Ксюша, а потому, что не веришь ты мне. И в рыбок наших аквариумных не верила, потому и дела у нас плохо пошли. И в хвост мой не веришь.

– Когда протрезвеешь, в наркологический диспансер тебя сведут. Допился до белой горячки, сволочь. Говорила мне мама...

– На, смотри! – Хвостов опустил штаны.

– Ой. Мамочка...Олег, что это? Я тебя спрашиваю, что это, откуда? Где ты эту заразу подцепил, сволочь?

– Как ты была душой, так и осталась, – Хвостов неожиданно для себя залепил Ксюше пощечину. Никакого удовольствия Олег Иванович не испытал, напротив, от удара щека покраснела, супруга осела около кухонной плиты, и начала отползать к балконной двери.

Хвостову стало ужасно стыдно.

– Ксюшенька, прости, – бормотал он. – Не знаю, что на меня нашло, просто между нами непонимание какое-то, враждебность. Я так жить не могу, давай вспомним, как хорошо нам было в институте, на практике. Ты помнишь, как пришел поезд с Астрахани, а я тебя ждал двое суток? Ты такая была красивая, в белом платье с синими цветами, и еще...

– Не прикасайся ко мне, выродок хвостатый, – Ксюшу трясло от отвращения. – Вельзевул! Мутант чертов, угораздило тебя в Чернобыль поехать накануне аварии. Командировка у него была, реактивы закончились! Как я хотела потом аборт сделать, дура, да поздно было!

– Ксюша, – Олег Иванович почувствовал, как свежесвыросший хвост его выгибается дугой, как у рассерженного кота. – Да кто же мог знать про этот Чернобыль? Столько лет прошло.

– Да, нечего сказать. Повезло мне – Ксения расходилась все сильнее. – Вот Юлька со мной училась, вышла за директора банка, его хлопнули, и бац! Богатая вдова, миллионы, шикарный дом на Солянке с Евроремонтом, вилла в Санта-Барбаре, а из Турции вообще не вылезает. А у меня – хрен вам, то есть хвост у него вырос. Как я выкладывалась, как старалась. Когда другие бабы маски огуречные на лицо накладывали, да в соляриях гимнастикой занимались.

– Все, Ксения, ты меня со своими соляриями достала. Ухожу я... – Олег почувствовал холодную уверенность в собственной правоте. – Когда решишь, что я тебе и с хвостом подхожу, – скажешь.

Он рванул дверцу старенькой «шестерки», и через несколько минут уже ехал по кольцевой автодороге в сторону Теплового Стана.

3.

В Теплом Стане жила Оля Кукушкина, рыжая, покрытая веснушками бывшая аспирантка, ныне бухгалтер «Аквариума России». Ходили слухи, что у Оли была несчастная любовь, что она подавала надежды и почти что защитила выдающуюся диссертацию по элементарным частицам..

Да, что греха таить. Оля вот уже два года была любовницей Хвостова. Олега Ивановича мучали по этому поводу моральные дилеммы, одновременно испытывал он глубокое удовлетворение собственным нравственным падением, а, самое главное, Оля его понимала. Они курили вместе, слушали хорошую музыку, и никогда Оля даже словом не обмолвилась о том, что хочет за Хвостова замуж. Она никогда ничего не просила. «Олечка» – поднимаясь в лифте на девятый этаж, Хвостов растрогался. Привычно задребезжал звонок.

– Оля, Олечка, – прошептал Хвостов, когда открылась ее дверь. – Все кончено, я, кажется, буду разводиться.

– Олег, что случилось? Почему, так вот, вдруг?

– Оля... Я должен тебе открыться. Дело в том...

– Что? – Насторожилась Кукушкина.

– Скажи, например, если бы у меня хвост вырос, мы бы все равно друг друга понимали?

– Ааа. – протянула бывшая аспирантка. Нет, Олег Иванович, вы все-таки не романтическая персона. Я понимаю, крылышки, как у ангелочка. Беленькие, с перьями, а у вас – хвост. Сатана там правит бал. Неостроумно.

– Олечка, – Хвостов почувствовал возбуждение. – Я понимаю, что не являюсь для вас лучшим выбором. Но тем не менее, если развод мой с Ксенией оформится...

– Хвостов, что за глупости, оставьте мои джинсы в покое.

– Никогда!

– Что это! – Аааа – Кукушкина вырвалась из объятий Хвостова и с безумным взглядом забила в угол комнаты.

– Ну что, ну что, хвост, я же предупреждал. – смутился Олег.

За прошедшие несколько часов хвост заметно удлинился. Около тридцати сантиметров в длину, поросший жесткой, черной шерстью.

– Мамочка, – всхлипнула Оля. – Мама...Что это за отросток, Олег? Как ты мог? На кой ляд он тебе сдался?

– Олечка, да что с тобой, Оля. Ну, атавизм. В конце концов, нельзя же так.. Ведь я все тот же Олег Хвостов, с хвостом или без хвоста – Олег Иванович запутался в собственных рассуждениях. – Фамилия у меня такая, черт бы ее побрал. И потом, Олечка, поверь, вчера еще не было, а сегодня – есть.

– Уходи, Олег, я тебя прошу. Умоляю, только оденься и уходи. Это Бог наказал меня. – Оля зарыдала. – Господи, ну за что мне это? Все подружки замуж повыскакивали, кто в Америке, кто в Саудовской Аравии. Ленка кондо купила...

– Все вы, бабы, одинаковые. – Горечь одиночества, непонимания, обиды, овладела Хвостовым. – Эх, Кукушкина. Зря ты так.

– Убирайся – заревела рыжая стерва, – брысь, животное!

У Олега Ивановича потянуло сердце.

4.

Перед шестеркой Олега Ивановича нахально застыл красный Фольксваген, перекрыв Хвостову всякую свободу передвижения. Беспомощностью этой воспользовались трое подростков, то ли обкуренных, то ли пьяных в доску. Не обращая внимания на Олега, они со смешками пытались просунуть согнутую проволоку между дверью и боковым стеклом.

– Эй, мужики. Ребята, пацаны – Хвостов судорожно перебирал подходящие эпитеты. – От...сь от моего средства передвижения, или хуже будет! Что же вы делаете! – Хвостов почувствовал, что дай ему волю, он растопчет малолетних преступников на месте.

– Смотри, Леха, пока мы возились, дедуля пришел. Е-мое, дедуля, сходи на Новодевичье, чесс-слово, не пожалеешь. Такие чуваки там лежат, обоссаться можно.

– Отойдите от моей машины, ублюдки.

– Это кто здесь ублюдок, бля? Дедуся, не мешай работать. Давай, не выебывайся, вызывай ментов. Мы их бьем, ментов ваших, чтобы они тоже не выебывались.

– Парень, послушай меня, – странное спокойствие спустилось на Хвостова. – Тебе сейчас будет очень больно. Обещаю. Уши надеру.

– Дедуся все-таки выебывается. – вступил в разговор Леха. – Вот тебе, дедусь, воспитательное средство для старых козлов.

– Херня, пистолет Макарова. Да он не стреляет у вас, козлы, а вы это видели? – Хвостов дернул ремень на поясе. – Если вы козлы, то я племенной бык буду. Фильмы про ковбоев смотрели?

– Леха, я тебе говорил, суке, что травка тухлая какая-то, – паренька вывернуло наизнанку. – Мочи эту сволочь скорее, бля, а то я за себя не ручаюсь.

– Ну уж нет, – Хвост с лазерно-прицельной точностью вылетел из штанов, выбил пистолет из руки главаря, и надавал обидчикам по щекам.

Подростки с суеверным подвыванием разбежались, Олег Иванович застегнул брюки, боднул наглый «Фольксваген», и поехал на «Сокол» к знаменитому венерологу Дмитрию Иосифовичу Фейхтенгольцу. Когда-то Хвостов учился в одной группе с Фейхтенгольцем-младшим, ныне смотавшимся в Израиль, так что у него был блат.

5.

– Уникальный, совершенно невероятный случай атаквистической патологии, – престарелый профессор Фехитенгольц с восторгом мял волосатый хвост. – Вот здесь еще один хрящик, вам не больно, Олег Иванович?

– Да нет, кажется. Дмитрий Иосифович. Скажите ради всех святых, что это такое? За какие такие грехи?

– Олег, мы далеко не все пока знаем. Случай ваш чрезвычайно редок, хотя в медицинской практике описан. Стресс, нарушения нормального развития, и запускаются доисторические генетические программы. Вот, полюбуйте.

С пожелтевшей картинки учебника анатомии, на Хвостова глядело волосатое чудовище с огромным хвостом.

– Но как же такое может случиться, Дмитрий Иосифович. Жил, работал, проснулся утром – нате вам, хвост. Жена говорит, что все из-за Чернобыля.

– Ну, этого наука никогда не узнает. Возможно, радиация вызвала сбой в работе ДНК. Одним словом, Олег, не расстраивайтесь. Хвост ваш доброкачественный, я уверен, что его удастся удалить хирургическим путем. Вряд ли вы обладаете способностью к регенерации, как, скажем, лягушка, или ящерица.

Кстати, смешно конечно, но недавно прочел в «Огоньке», что в лесах у подножия Килиманджаро живет племя хвостатых людей, и что они-то и являются потомками снежного человека.

– Объясните это супруге. Или любовнице. Как это так, мужик с хвостом? Где это видано? Я не хочу, не хочу!

– Олег, прекратите истерику. Вы же мужчина. Мало ли, вот у вас хвост вырос, а если бы родились негром или евреем? Бывают, знаете ли, черные евреи – вот кому действительно не повезло.

– А если туп как дерево, родишься баобабом. – вспомнил Хвостов песню времен счастливого детства, и расплакался.

6.

Хвостов поехал к маме.

Галина Васильевна Хвостова после смерти мужа сильно сдала. С невесткой отношения как-то не сложились, внучки выросли без бабушки. Пенсия ее, казавшаяся приличной в старые времена, теперь совсем обесценилась. Только маленький участок с наспех сколоченным сарайчиком и огородом поддерживал у Галины Васильевны волю к жизни. С апреля по октябрь она ползала по грядкам, все время что-то сажая и пропалывая. Картошка, огурцы, помидоры, укроп, чеснок – все было свое, домашнее, варилось, мариновалось, закатывалось в пузатые трехлитровые банки.

Хвостову повезло – мать была дома.

– Чего явился? Не начинай, по глазам вижу – с Ксенией опять поругался. Что тебе сказать, сам выбирал. Родителей не слушал, куда там! Напролом тебя несло, Олег. Теперь терпи. Две девки у тебя, им еще на ноги встать надо.

– Да нет же, мам, я не о том.

– Ну что еще у тебя стряслось? С работы тебя выгнали?

– Хуже, мамочка, гораздо хуже, – Хвостов неожиданно разрыдался. «Что за бред, – возмущался внутренний голос, сопли распустил, да тебе уже сорок лет, а ты все к маме под крылышко?».

– Что с тобой, сыночка, – Галина Васильевна побледнела? – Ты заболел? СПИД, не приведи Господи, – она перекрестилась.

– Да нет, не СПИД. Смотри, мам – Олег Иванович приспустил штаны.

– Господи, за что наказываешь меня! – взвела старуха. Мало тебе того, что страну антихристы к рукам прибрали, что жизнь наша в грехе прошла, так угораздил ты меня своими руками отродье сатанинское выродить!

– Мам, я тебя очень прошу, заканчивай свою религиозную агитацию. Какой я, на хрен, антихрист?

– Вот оно, семя враждебное, вирусы все эти, Абрамовичи, прости-Господи. Молись, сын! Молись! – Галина Васильевна сунула Хвостову старинную икону Николая – Чудотворца. – Икона эта прабабушку нашу хранила, и бабушку. Поцелуй святого Николая.

Икона пахла затхлостью, серебряный оклад почернел.

– Мам, – Хвостов почувствовал усталость. – Нет, ты мне объясни. Ты же в тридцать втором родилась? Пионеркой воспитывалась, сочинения про Сталина писала, да какого черта, ты же в партии была! Ты же зав. отделом идеологической работы была, мамочка! Что с тобой!

– Со мной ничего, хоть и на старости лет, да Бог меня спас. А у тебя от безверия хвост вырос, лучше бы не вынашивала я тебя. А отцу какое наказание, да он в могилке ворочается.

– Мама, я от врача только что. Он говорит, что все, возможно, из-за Чернобыля. Помнишь, я в командировке облучился?

– Пойдем к Отцу Никодиму. Молись истово и свечи поставь. Только молитва твоя Господу спасет тебя от наваждения.

– Маманя, ну пойду я, пойду. Ты мне лучше скажи, ты деда, или прадеда по отцовской линии помнишь? Откуда фамилия Хвостовых пошла, может в старину чего не так было?

– Ваня таким порядочным человеком был. Ну, злоупотреблял маленько, со всяким случиться может. А ты...

7.

В маленькой церквушке горели лампадки. Пахло ладаном, и строгие лики святых, или полусвятых (Хвостов не разбирался в церковной иерархии), смотрели на грешников.

– Послушай меня, сынок. – шептала Галина Васильевна. – Когда тебя в Афганистан должны были призвать, я сюда тайком пришла, зажгла свечку. И случилось чудо, Бог помог, помнишь – твою анкету потеряли.

– Мам, удивляюсь я тебе. Я эту анкету сам в туалете спичкой поджег и в урну засунул. – Олег подумал, что просто теряет время.

– Это дьявол говорит из тебя...

– Ладно, мамуля, я пойду. В конце концов, хвост не так уж и страшен. Ты знаешь, – во рту у Хвостова стало горько, – я тебя люблю. Я до сих пор помню, как мы за грибами ходили. И еще – как ты с температурой поехала елку на Новый Год покупать. Я тебя ненавидел частенько, бывало и такое. И ты знаешь, – мысль эта поразила Хвостова, – мне кажется, что Богу молиться не имеет смысла, потому что его нет, и он есть, потому что он жесток и добр одновременно.

– Богохульник! – лицо Галины Васильевны исказилось.

– Пора мне, мам, – закусил губу Хвостов и выбежал из церкви.

8.

Хвост лежал на сиденье и мешал вести машину. При торможении, он напрягся вне зависимости от воли Олега Ивановича, а при обгоне начинал больно хлестать по щиколоткам.

– Елки-палки, это же надо так влипнуть, – Хвостову хотелось курить. – Придется на операцию ложиться. А сейчас это так некстати, две сделки уходят. Да и дорого.

«Аквариум России» располагался в старом Московском переулке, вернее – в подворотне. Раньше в здании этом был институт лакокрасочной промышленности, и в коридорах до сих пор пахло какой-то ядовитой дрянью.

– Ага, приехал все-таки, – долговязый генеральный директор «Аквариума России», напоминал рыбака. – А у нас уже слухи пошли, Хвостов теперь по субботам на работе не появляется, хвост у парикмахера укладывает.

– Кто? Почему? – ужаснулся Олег Иванович.

– Да брось ты, шуток не понимаешь? Я тебе домой звонил. Скалярий нам завезли, Олег, а онидохнут одна за другой. Хорошо бы кислотность воды проверить, или эту, алка... Ну, алкоголическую вашу меру. Кто у нас кандидат химических наук?

– Никаких проблем. – Олег Иванович пошел на склад за реактивами.

Работа у Хвостова была нехитрой, но требовала определенной степени профессионализма. Как еще можно узнать, когда подсыпать в аквариум химические препараты, когда очищать кормушку, когда подкармливать обитателей младшими братьями, или, на худой конец, мотылями.

С кислотностью в аквариумах было хреново. Пришлось переселять редкостных рыбок в специально подготовленный резервуар, растворять в воде белые кристаллы, капать желтыми реактивами в пробирку. Суета эта заняла весь остаток дня.

Часам к шести вечера Хвостов вдруг почувствовал, что ему настоятельно необходимо попасть в туалет.

О, белоплиточное уединение личной кафельной кабинки. Какой сегодня выдался сумасшедший день...

– Е-мое, змея!. Змея, братцы. Дави ее.

– Ууу, – взревел Хвостов, распахнув дверку, – что же ты, сука, делаешь! Я тебе покажу, как мой хвост каблуками давить!

– Извини, Олег Иваныч, – консультант по африканским рыбкам с воем выскочил из сортира.

Хвостов с изумлением посмотрел себе под ноги. Хвост заметно вырос, он уже достигал полутора метров в длину. Кончик его, принятый обидчиком за змею, был молодым, гибким, розовым и поросшим редкими черными волосиками. Зато основание начало покрываться странными, прозрачными чешуйками, напоминающими слюдяные пластинки.

9.

Воскресенье Олег Иванович провел на даче, и в понедельник поехал на работу с тяжелым предчувствием.

– Ну, привет, Олег Иваныч, – Витька Журавлев, директор по маркетингу, сальный мужик с малюсенькими глазками, встретил Хвостова в коридоре. – Поговорить надо. Такие слухи про тебя ходят странные.

– Чего надо? – мрачно спросил Хвостов, и глаза его налились кровью. – Журавлева он не любил, искренне считая его дармоедом. К тому же ходили слухи, что до работы в «Аквариуме» Витек связан был с мафией.

– Нет, Олег, ты только не сердись. Пойми уникальность своей ситуации, вроде и мужик статный, и все на месте, но хвост... Ты пойми, с такой физической комплекцией можно

сделать миллионы. Представь себе, ты решительно даешь Шварцнеггеру хвостом по морде. Реклама, к тому же. Всякие, ну, это если согласен будешь, сексуальные издания, фильмы... Да здесь золотое дно.

– Совсем у тебя, Витек, с твоим маркетингом крыша поехала, – Олег попытался обогнать Журавлева, но тот забегал вперед.

– Ты, Олег, давай-ка лучше по-хорошему. По-мирному. Чтобы без насилия.

– Уйди от меня подальше, пока в нос не заехал, – мягко, но решительно предупредил Олег, входя в свой кабинет, но тут произошло непредвиденное.

– Держи его, держи! Вырывается, сволочь!

– Ууу, – взревел Олег Иванович, пытаясь отбиться от нападавших, но куда там. Бросили сетку, навалились мужики.

– Ну, – около Витька появился парень с камерой, – спускайте с него портки.

– У, у-гх, – закусил губы Хвостов от стыда и унижения. – Убью, гада, –

подумал он, и вспомнил, как во время лыжного кросса они с приятелями поймали Мишку Гельмгольца.

*

– Евреи все обрезанные, – Андрей Шестаков испытывал нездоровое возбуждение. Вот и у Мишки конец лысый. Точно, сымайте с него штаны.

– Пустите, гады, – Мишка извивался на лыжне.

– Сейчас, конец проверим только, и путем. Держи его, чтобы не брыкался.

Полосатые, застиранные домашние трусы. И совершенно обычный, опавший, мелких размеров пенис.

– Да никакой он не еврей, сука, наврал все, – разочарованно протянул Шестаков.

– Гады, гады, – корчился Мишка.

*

– У-уу, – корчился Хвостов. – Ууу. Пустите, гады!

– Хвост. Атавизм, но ученые считают, что такие неожиданные находки в потерянных звеньях эволюции, лучше всего доказывают верность теории Дарвина. Для канала «Плейбой» – Виктор Журавлев.

– Убью, сволочь, – извивался Олег Иванович, пытаясь освободиться от веревок. – Дай мне только выбраться, я тебя, суку, не прощу. Я о тебе лучше думал, мерзавец!

– Значит так, Хвостов. Засунь моральные соображения в свою хвостатую задницу. Супруга твоя уже контракт подписала, – Витька помахал в воздухе листочком с фиолетовой печатью. – В суде еще хорошо придется повозиться, чтобы доказать, что ты не обезьяна и сам можешь подписывать контракты. Психологов привлекут, биологов-экспертов, все заматано. Так что пока суд да дело, ты этим контрактом повязан.

– Покажи, – захрипел Олег Иванович.

– Ребята, держите его крепче. На, читай...

– Сука, – скривился Хвостов.

– Ты не переживай. Вот я тебе другой вариант предлагаю. После такой рекламы тебе светит по тысяче баксов за сеанс. Будешь себя хорошо вести – половина твоя. Я бы на твоём месте подумал. Такое не каждый день случается. Ну, а не согласишься – пардон, денежки такие на улице не валяются, сам понимаешь. Ребята у нас крепкие.

– Витек, давай по-хорошему, чтобы этой гадине ничего не досталось. За моей спиной подписала, сука... Но только половина – моя, без обмана.

– Ну, смотри, только без фокусов. – Витя обрадовался. – Мужики отпустите его. Для начала, Олег, попозируй нашему фотографу-профи, специально для тебя вызвали. Давай, в профиль, может тебе бабу голую показать, чтобы у тебя член встал? А?

– Да уж... Какой дурак от заработка отказываться будет, – Хвостов прикусил губу. – Да я их всех хвостом... Слушай, дай себя в порядок привести, – хвост его сложился кольцами. Сейчас, отдышусь... – Он облокотился на свой письменный стол.

10.

Вот уже два года, как в столе у Хвостова лежал револьвер, купленный им на барахолке в смутные времена, когда на «Аквариумы России» наезжали братки.

Хвостов до того стрелял всего несколько раз – в тире на уроках военной подготовки, да по пьяни на берегу Оки. Какое-то странное сосредоточение снизошло на него, и, выпуская очередную пулю, и меланхолично перезаряжая револьвер, не испытывал он ни страха, ни отчаяния.

Оставшиеся в живых разбежались. Витька уже не дышал. Хвостов снял у него с пояса мобильный телефон.

– Ксения, – Хвостов не испытывал никаких эмоций, услышав это раздраженно-испуганное «Алло». – Ты меня больше не увидишь.

– Олеженька, да что ты, ей Богу, мама твоя звонила, говорит, с головой у тебя не в порядке. Возвращайся, мало ли людей с хвостами жили.

– Как ты могла, – Олег Иванович прикусил губу. – При девках, чтобы отца их голышом на обложках печатали, в подземных переходах продавали.

– Олег! Так для семьи же. Шутка ли, пятьсот долларов за фото, подумай! Мамаше бы своей подсобил, как она на огороде мается. В наше время как угодно зарабатывают, знаешь что, нельзя быть такими гордыми. Если бы меня фотографировать согласились, уж я бы не сомневалась. А вы, мужики, если уж у тебя хвост вырос, для семьи палец о палец...

– Прощай, береги девок, – Хвостов нажал на кнопку мобильного телефона и извлек из нагрудного кармана Витька бумажник.

– Агентство «Бабочка Нила»? – Ласково спросил Хвостов. – Я бы хотел приобрести путевку в сафари. Меня интересует район горы Килиманджаро. Что-нибудь есть горящее?

11.

В Александрии туристов пересадили на местные авиалинии. Хвостов не переставал удивляться, тому, что почти все пассажиры, летевшие этим рейсом, были новыми русскими. Олег Иванович позволил себе лишь пиво, и грустно смотрел на чужой ландшафт, мысленно прощаясь с привычной ему жизнью. Грустно было и рыжеволосой девушке Тане с циничной складкой в уголке пухлых губ, они с Хвостовым успели познакомиться во время пересадки. Пожилой американской чете, хватавшей друг друга за руку при каждом попадании самолета в воздушную яму, было страшно. Старички задыхались от табачного дыма русских варваров, и проклинали своего туристического агента.

Маленький самолетик чихал всеми моторами подряд, наконец, подпрыгивая покатился по грунтовой полосе, и, кашлянув облачком едкого дыма, замер.

Времени было часов пять утра. Саванна благоухала разогретой мятой, горькими травами и туманом, спускавшимся с гор.

Пассажиры стонали, привычный к делу стюард расталкивал спящих, которых ждали запыленные джипы. Сафари – дело серьезное.

Хвостов выпрыгнул из самолета, и побежал к линии горизонта, туда, где у подножия горы отвесной стеной вставал тропический лес.

– Олег Иванович, куда же вы, – задыхалась рыжеволосая Таня. Чем-то напоминала она Олю Кукушкину.

– Танечка, мне в лес надо.

– Вы тоже... Статью в «Огоньке» читали? – всхлипнула девушка.

– Бежим, Таня раздевайтесь, иначе не успеем, – крикнул Хвостов.

– Господи, за что все это, – всхлипнула Таня. Как Олег Иванович и ожидал, у нее был хвост, длинный и рыжеватый.

– Сейчас, Танечка, – кричал Хвостов, повиснув на лиане. – Хвост давайте. Скорее, сюда...

– Какой вы сильный, Олег, – сконфузилась рыженькая девчушка.

– Труд сделал из человека обезьяну, Танечка, ты меня прости, вопрос у меня нескромный. Это, оно как у тебя выросло? Само по себе, или облучения какие?

– Хвостов, вы потрясающий мужик, – Танечка пыталась поспеть за Олегом Ивановичем. – Само оно выросло, просто так. А куда мы торопимся?

– Не знаю, Танечка, не спрашивайте. – Так надо, наверное. Туда, к подножию гор?

– Я устала, – Танечка уселась на ветке, обиженно поджав под себя ноги.

– Ну хорошо, переночуем...

Сон в джунглях был беспокойным. Кричали неизвестные звери, Хвостов то и дело вздрагивал от треска веток и странных шорохов. Танечка спала у него на руках. Она была совсем даже не тяжелой, губки у нее были влажными, соски острыми, и Олег Иванович загорался желанием, то с клопочущим в груди восторгом ощущал себя первобытным человеком. К утру он все-таки заснул...

– Эрр! – оскалился он, почувствовав присутствие постороннего.

– Новенькие, что ли? – на беглецов с любопытством смотрел хвостатый мужик с дубинкой в руке.

Хвостов никогда еще не видел такой густой, курчавой волосатости, покрывавшей все тело, за исключением, пожалуй, глаз.

– Вы что здесь все по-русски разговариваете?

– Так хвосты-то не у всех вырастают. Ты в Челябинске поживи, браток, там целая область светилась. Радиоактивную картошечку пожуй несколько лет подряд...

– Значит, все-таки Чернобыль... – вздохнул Олег Иванович.

– Ну, значит, правила у нас в стаде простые: Самку – вожаку, а тебя, парень, – в охрану определим.

– Это что еще значит? Какому вожаку?

– Михалычу. И не вздумай возникать, парень, – зашептал волосатый. – Михалыч страшен. Знаешь, сколько он таких как ты на куски разорвал. Ведь он в лесу отъелся, как горилла стал – весу кило триста, рост два с половиной метра. Так что не нарушай иерархию, браток, бери дубинку, и в охрану.

– Не хочу я в охрану, – в горле у Хвостова запершило, и он с трудом удержался от стога. – Я не затем сюда летел. Я думал своих найти...

– Ну, началось... Ты эти сопли брось, иначе не выживешь. Что, думаешь, физиологический регресс не сопровождается социальным? – Волосатик хрюкнул, довольный собственным интеллектуальным уровнем.

– Философ, блин, – Олег Иванович сжал кулаки.

– А что, – заинтересованно спросила Танечка. – В этом вашем Михалыче действительно два с половиной метра?

– Самый крупный самец в долине, за ним – как за каменной стеной. Соглашайтесь, девушка, во-первых, всегда свежие фрукты обеспечены. Во-вторых, привилегированный детский садик. Михалыч очень свое потомство любит.

– Таня, не ходи туда. – грустно процедил Олег Иванович.

Какой ты умный, Хвостов. Что ты мне предлагаешь, всю жизнь с тобой по джунглям прыгать с ветки на веточку? Я, может быть, о таком самце всю жизнь мечтала.

– Ну, как знаешь. Не для меня это. – Хвостов схватился рукой за ветку.

– Куда пошел! Стоять!

– А иди ты, – хвост раскрутился пропеллером, полоснул волосатика по щекам, тот, заревев от боли, упал.

– Не подходи! – рычал Олег Иванович. Хвост его вращался все быстрее, сливаясь в белесый полупрозрачный круг, и, неожиданно для самого себя, Хвостов оторвался от земли.

12.

Господи, странно как! – Хвостов прислушивался к мерному гудению хвоста. Небольшое напряжение спины, и кроны деревьев уплыли в сторону. – И как хорошо!. Ну и куда мне теперь лететь?

Серебристый туман поднимался от заболоченных берегов огромного озера, первые лучи солнца играли зайчиками на воде...

– Такая природа красивая, а мы все, как муравьишки, копошимся, все хочется чего-то. Ээх, люди... Белеет парус одинокий в тумане, ... Голубом... Что ищет он в стране далекой... В краю родном... Увы, он счастья не ищет. Черт, забыл! – Олег Ивановичу неожиданно открылись гармония и красота забытого школьного стихотворения.

13.

Шло третье утро сафари. Вчера гонялись за антилопами на джипах, но ни одной не положили, и вечером отдыхали на полную катушку. Гоша и Димок курили «Мальборо». Лица у них были опухшими. Гошу жутко мутило. Русскому организму в жарком климате виски противопоказано.

– Давай, на хер, время уходит. – Димок опохмелялся пивом.

– Куда, бля. Не хочу.

– Куда, куда... Фламинго стрелять, блин. Давай, пошли. Лодка на берегу стоит, баксы заплачены.

– Ох, дела... – Гоша стонал. – Как они живут здесь?

– Глотни пивка, полегчает. На тебе ружье, только осторожно. Щас утки пойдут.

– Какие утки, на хер. Здесь одни крокодилы.

– Сам ты крокодил, сиди тихо....

– Смотри, точно, крокодил полетел! Крокодил Гена, бля, режьте меня! Режьте!

– Ты чего, обкурился, что ли, – сплюнул Димок, но, посмотрев вверх, только и смог протянуть «Йокола мене».

– Бери, бери его.

– Куда, куда, правее целься.

- Уйдет... Смотри как вильнул, сука!
- От меня не уйдешь, знаешь, каких я козлов клал?
- Попал! Попал, смотри, как он ногами дрыгает!

Хвостов начал падать в озеро.

– Ээх, люди, твою мать! – он погрозил стрелявшим кулаком. Вспомнил! Я все вспомнил! Под ним струя светлей лазури Над ним луч солнца золотой А он мятежный просит бури!

И Олег Иванович рухнул в озеро, подняв фонтан брызг.

– Как будто в бурях есть покой – он наглотался мутной, теплой воды, и на поверхности наступила тишина.

14.

До вылета самолета оставалось около часа.

– Ну их на хер, эти сафари. – Гоша судорожно скривился. – Как вспомню, что мы Карлсона этого замочили... С души воротит.

– Да ладно тебе нудить, неплохо отдохнули. Ты возьми, коньячку выпей, полегчает. – Димок поморщился.

– Слушай, Димок, а может это ангел был?

– Скажешь тоже, ангел. Привиделось нам все это, вот чего. Потому что в этом климате пить нельзя. Организм не перерабатывает.

– А все-таки летун этот какую-то молитву читал. Знакомое что-то. Вспомнил! Вспомнил! – лицо Гоши озарилось. – Это Пугачиха пела!

– Совсем у тебя мозги от жары размякли, Гоша. Ты еще, бля, скажи, что этот крокодил Пушкина читал.

– Лермонтова, молодые люди, Лермонтова, – произнес странного вида мужчина с расцарапанным лицом, и в этот момент у Гоши начался нервный тик, который преследовал его всю последующую жизнь.

15.

Хвостов никому не рассказывал про то, как удалось ему выбраться из Африки и заработать денег. Он перевел приличные суммы детям и матери, купил себе домик в деревне и повел замкнутый образ жизни. Дом был полон книг, вечерами за занавесками горел свет, и можно было разглядеть хозяина, ходившего по комнате с чашкой чая и книгой в руках.

Только изредка, в полнолуние, Хвостов начинал нервничать. Он выходил в огород, смотрел на небо, и улетал. Он подолгу летал над ночным водохранилищем, окунался в густую траву, которой заросли окрестные поля, он проносился метеором над окрестными деревушками, исполняя фигуры высшего пилотажа, приводящие собак в состояние захлебывающейся истерики.

В эти ночи у Хвостова было лицо абсолютно счастливого человека.

.oOo.